

Ирина Юрьева

Только любовь

Древние расы волшебников

Ирина Юрьева

Только любовь

2007

Юрьева И.

Только любовь / И. Юрьева — 2007 — (Древние расы волшебников)

В Агеноре пропал документ, угрожающий безопасности города. Маги не могут найти похитителя. Чтобы узнать правду, они решают пригласить в город Искателя «Ордена Правды». По рекомендации Хейда, который вернулся в Гальдор, Ливтрасир выбирает Илану. Он знает, что эта женщина несколько раз помогала бывшему Человеку Двора в очень сложных делах. Руни не одобряет решения мужа. Она понимает, что приезд Иланы опасен. Эта яркая и очень умная женщина не уважает людей. Для Иланы любое серьезное дело ? предлог, позволяющий ей доказать окружающим, что она лучше других. Ей нельзя доверять.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	9
Глава 4.	17
Глава 5.	20
Глава 6.	28
Глава 7.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ирина Юрьева

Только любовь

(Агенорская повесть)

Глава 1.

Лошадь мерно трусила рысцей по пустынной дороге. Унылая степь, что сменила леса Гальдорхейма, уже начала утомлять. День был ветреный. Пыль, поднимаясь с давно пересохшей земли, оседала на мягких сапожках Иланы и новом плаще.

– Что я делаю здесь? – монотонно кружила в мозгу неотвязная мысль.

Лишь не знавший Устава мог, не предоставив Магистру отчет о гальдорском убийце, взять новое дело. Нарушив порядок, Искатель терял свое право на помощь из «Ордена Правды», однако дорога Иланы вела не в Лонгрофт.

– Прежде чем согласиться вести дело, нужно проверить три вещи, – учили ее:

1. Убедиться, что тот, кто явился за помощью, может ее оплатить.
2. Что с момента преступного действия минуло меньше трех месяцев.
3. Преступление никак не связано с чарами и колдовством.

Отпуская Илану в Гальдор, их Магистр повторил раз пятнадцать, что ей нужно быть осторожной, не браться за дело, в котором замешана магия.

Позже, уже обнаружив преступника, она жалела, что все вышло слишком банально. Наследство – стандартный мотив для убийства.

Когда в день отъезда Хейд, старый испытанный друг, пригласивший Илану в Гальдор, предложил не спешить, то Илана решила, что он пошутил.

– Для чего? Я раскрыла убийство семьи из столицы, и ты, как заказчик, уже расплатился со мной. Остается доставить отчет в «Орден Правды», и я отдыхаю!

– Отчет отвезут без тебя, – объявил Хейд. – Еще я отправлю письмо для Магистра, и в нем напишу, что Искатель Илана больна. Подцепила какую-то дрянь в гальдорхеймских болотах и ей нужен полный покой.

– А тебя не учили, что лгать – плохо? – в шутку спросила Илана, уже предвкушая, как будет скакать по гальдорским лесам, посещать замки вирдов, плескаться в реке и кокетничать с Ормом.

– Я слышал, подобные штучки у вас не считают зазорными.

– Правильно! Каждый Искатель себе позволял небольшую ложь, чтобы расслабиться. Изредка, после тяжелого дела.

– Считаю, что убийство в Гальдоре тебе далось нелегко.

– Зачем столько хлопот? – с любопытством спросила Илана. – По дружбе?

– Да нет, не совсем. Ливтрасир бы хотел с тобой встретиться, – вдруг сказал Хейд. – Ты могла бы помочь разобраться с проблемой, возникшей у них в Агеноре?

– Кто? Я?! – изумилась Илана, не веря ушам. – Ливтрасиру?!

Имя волшебника из Агенора, посмеявшегося бросить открытый вызов всесилию «Службы», в столице давно уже стало легендой.

– Да, именно ты. Он увидел сквозь шар, что ты здесь, и решил пригласить в Агенор, – продолжал Хейд, как будто не слыша ее восклицания.

– Значит, я так приглянулась ему, что он жаждет увидеться лично? – слегка усмехнулась Илана, почувствовав, как холодеет внутри.

– Ты умелый Искатель. Он знает, что ты год назад помогла мне в Лонгрофте, – сказал Хейд.

– Не надо морочить меня! – вдруг вспылила Илана. – Любой Наделенный способен раскрыть преступление лучше Искателя!

– Может, – легко согласился Хейд. – Но не всегда. Есть такие места, где их магия просто бессильна. Есть люди, которых нельзя достать чарами.

– Вроде тебя? – рассмеялась Илана, припомнив Лонгрофт.

– Вроде клиров, – последовал жесткий ответ.

Хейд умел добиваться поставленной цели. Напомнив о клирах, он смог всколыхнуть в ее сердце подавленный гнев. Он заставил Илану забыть осторожность, сыграв на ее любопытстве и старой обиде.

– Поеду, – сказала она в тот же день. – Не поставив в известность Магистра. Нарушив все правила. В город, который считается проклятым. Даже не зная, что там меня ждет. Ты доволен?

– Не больше тебя, – иронично ответил ей Хейд.

Его взгляд откровенно сказал, о чем он сейчас думал.

– Ты прав! Я хочу рассчитаться за пару приятных часов, пережитых в Лонгрофте почти год назад из-за клиров. И если они пробралось в Агенор, я устрою им праздник. И я... Я хочу познакомиться с ним, с Ливтрасиром, героем последних легенд, – иронично сказала Илана, прощаясь.

– Знакомься, но только не пробуй заигрывать с ним, – посоветовал Хейд. – Он относится к жизни иначе, чем мы с тобой. Слишком опасно играть с чужим чувством...

– Заигрывать с магом? Я не сумасшедшая! – расхохоталась Илана, стараясь скрыть жаркую дрожь, охватившую тело от этой забавной идеи. – Терпеть не могу Наделенных в постели!

Она не лгала. Ливтрасир вызывал интерес, но ее прежний опыт учил, что интимный контакт с Наделенным опасен. Илане уже доводилось общаться с разведчиком «Службы». И этого было достаточно, чтобы она уяснила: кретинов с зачатками Силы нельзя подпускать ближе, чем на удар меча. Но легкий флирт... Почему бы и нет?

Хейд хотел послать с ней в Агенор одного из охотников, чтобы Илана не сбилась с дороги:

– Места здесь глухие, легко заплутать, – сказал он.

– Мне достаточно карты, я хорошо ориентируюсь.

Хейд не стал спорить, а ей пришлось горько жалеть о своем легкомыслии. Дебри гальдорских лесов были мало похожи на светлые рощи окрестностей Лонгрофта. К счастью, поняв, что она заплутала и вряд ли сумеет добраться до главной дороги, Илана столкнулась с бродягой. Дурак счел коня и дорожный мешок подходящей добычей.

– А ну-ка, красотка, слезай! Да давай сюда плащ с сапогами! – схватив под уздцы коня, с наглой ухмылкой сказал он наезднице. – И побыстрее!

Потом, обнаружив себя распростертым на влажной земле, проходимец достаточно долго не мог уяснить, как он там оказался. Почувствовав острый кинжал рядом с горлом, он перепугался до смерти.

– Я что?... Я совсем ничего!... Это... Так... Пошутил... – повторял он, косясь на кинжал. – Я тебя обижать не хотел!... Я вообще... Мне вообще...

Неизвестно, что он хотел этим сказать, потому что Илана велела ему прикусить язык и подниматься. Поняв, что выбирать не приходится, он ее вывел к дороге. Илана могла бы поклясться: болван будет долго молиться Святому за то, что остался в живых. Но чем ближе был город, тем больше она сомневалась в разумности этой поездки.

Глава 2.

Высокие стены Илана заметила издали. Обогнав некий обоз, что лениво тащился по пыльной дороге, она оказалась у медных ворот Агенора одна. Объяснять ничего не пришлось. Невысокий подросток, стоявший у входа, сказал страже:

– Она приехала в Круг, пропустите ее.

То, что малый ребенок приказывал взрослым, ее удивило.

– Меня зовут Альв, – сказал мальчик, как будто прочтя ее мысль. – И мне скоро пятнадцать. Я вас провожу.

Альв старался держаться как равный, однако немного смутился.

– Еще бы! – пришло ей на ум. – Сам сопляк сопляком, а туда же! Уже засвербило!

Альв гневно взглянул на нее, покраснев до повязки на лбу.

– Вы красивы, но это не значит, что вам можно все. Уважайте хотя бы себя, если вам безразлично, что думают те, с кем вы рядом!

«Он что, Наделенный? Вот влипла!» – огнем полыхнуло в мозгу, едва только Илана связала реакцию мальчика с мыслью-оценкой. Рассказы о детях, владеющих Силой, не раз доходили в Лонгрофт, но Илана не верила им, полагая, что слух распустили нарочно, желая слегка припугнуть Наделенных, способных прийти в Агенор. Теперь ей приходилось признать, что она ошибалась.

– Прости, я совсем не хотела тебя обижать, – усмехнулась Илана, стараясь исправить оплошность. – В Лонгрофте моя мысль скорее польстила бы, чем оскорбила. Она показала, что я в тебе вижу мужчину.

– У нас не Лонгрофт. Здесь стремятся учитывать чувства других.

– А в столице считают, что стыдно подслушивать, – с приторно-сладкой улыбкой сказала Илана, в упор посмотрев на мальчишку.

Она понимала, что этим смущает его, и хотела опять вогнать в краску. Пусть сразу поймет, кто сильнее, и больше не смеет указывать, что ей о нем можно думать, а что нет. Чем он лучше тех оборотов-пажей, что, гордясь своей службой Властителю, нагло глазят на фрейлин, мечтая залезть к ним под юбки?

Но выпад не дал результата, который она ожидала.

– Здесь тоже считают, что стыдно подслушивать, – просто ответил ей Альв. (Он, как видно, решил соблюдать ритуал обращения с гостем, впервые приехавшим в город.) – Однако у вас слишком сильный посыл... Извините, я должен был сразу закрыться.

Потом они с ним промолчали почти всю дорогу до Круга. Хотя сопляк был лишь подростком с искрой Силы, он раздражал. К счастью, выяснив, кто он, Илана могла защищаться не хуже любой ведьмы. (В «Ордене» долго учили рассеивать мысли так, чтобы их было нельзя прочитать.)

Илана где-то слыхала, что Круг – город в городе. Теперь, попав в Агенор, она лично смогла убедиться, что это чистейшая правда. (Массивные стены, скрывавшие Круг, оказались не хуже наружных.) Дома, переулки, деревья центральной аллеи, ведущей к дворцу, мало чем отличались от тех, что встречались за Кругом.

Дворец ей понравился. Он был совсем не похож на жилище Властителей. С первого взгляда Илана решила, что он был построен на три века раньше.

Искатель обязан знать стили различных эпох. В «Орден Правды» подчас обращаются, чтобы найти документ, затерявшийся в старых семейных архивах невесты когда. И ряд деталей конкретного времени может сказать, где искать то, что нужно заказчику.

Альв проводил ее в комнату.

– Это для вас, – сказал он, – если вы согласитесь остаться. За вами зайдут через час.

Едва мальчик ушел, она все осмотрела. Попав в незнакомое место, Искатель обязан проверить, не ловушка ли это. Однако Илана нашла только чан с водой, несколько платьев, кувшинчик вина и шкатулку с набором заточенных перьев. И несколько странных листов для письма, непохожих на ставший привычным пергамент. В шкатулке был так же мешочек с песком и чернильница.

Вымывшись в чане, Илана сменила одежду. (В дорожном мешке у нее всегда был с собой чистый костюм, подходящий Искателю.) Она хотела бы съесть что-нибудь, но никто не принес обед.

– Это уже перебор! – раздраженно решила Илана, стараясь слегка подсушить свои длинные волосы. – Если меня не накормят в течение часа, то я им устрою приятный денек! Или, может, меня ждет парадный обед?

Мысль слегка позабавила. Как-то, когда ей пришлось, разгребая архивную пыль, искать в старом поместье бумаги о праве владения, новый хозяин решил подшутить над Иланой. Собрав всех друзей, он велел пригласить ее в залу, забыв сказать, что не один. И Илана к ним вышла в обычной одежде: штаны, сапоги и жилет на шнурах.

Но, желая ее осмеять, умник сильно тогда просчитался, она не смутилась. А позже, встречаясь с мужчиной, специально старалась одеться, как в тот день. Эффект был стабилен. Увидев Илану, ее собеседник сначала испытывал шок, а потом заводился настолько, что, сам не заметив, выбалтывал лишнее.

Вынув шкатулочку с тушью, Илана слегка подчеркнула ресницы и брови. Коробочки с красками тоже пошли в ход. Илана любила контрасты. Дождь рыжих волос, зелень глаз с ядовитой подводкой, подчеркнуто-броский румянец и огненно-красный кармин губ... Поправив свой пояс с кинжалом, она расстегнула рубашку так, чтобы совсем открыть грудь.

– Да, любой ошалеет! И наш Ливтрасир поведет себя так же, как все! – пронеслось в голове у Иланы, обдав страстным жаром. Ее тело явно стремилось напомнить: короткий роман в Гальдорхейме не дал надлежащей разрядки.

Девчонка тринадцати лет, вероятно, служанка, войдя, увидела ее и опешила.

– Стало завидно! – мгновенно решила Илана, почувствовав острый прилив женской гордости.

Рядом с ней эта служанка смотрелась заморышем. Острые локти, косички, едва достигавшие плеч и просторное платье на тоненькой детской фигурке не могли пробудить интерес у нормальных мужчин к такой дохлой рыбешке.

Глаза девочки вдруг округлились и гневно блеснули.

– Закрой рот! И хватит таращить глаза, тебе платят совсем не за это, – с насмешкой сказала Илана. – Идем!

Но девчонка не сдвинулась с места. Она натянулась, как струнка, и вдруг резко фыркнула, словно лошадка, впервые почуяв узду.

– Что такое? – спросила Илана. – Забыла, как нужно вести себя?

– Я – пока нет, – очень странно взглянув, отвечала служанка без тени почтения. – А вот вы сами... Альв был прав, когда говорил, что Искатели дурно воспитаны!

Хамство служанки и наглость мальчишки, который уже наболтал невесть что, откровенно взбесили, лишив дара речи. Илана всегда не любила подростков, не зная, как можно общаться с орущей толпой. Ей не нравилось стадо балбесов, считавших, что весь мир для них. А строптивость сопливых щенков вызывала желание дать им хорошую трепку.

– Что делать с нахалкой? Вкатить оплеуху? – мелькнуло в мозгу.

А девчонка, используя эту заминку, сказала Илане с противной улыбочкой:

– Поторопитесь, вас ждут!

Глава 3.

Серебристая зала, куда проводили Илану, была пустой. Столик с роскошным обедом казался вполне симпатичным.

– Неделя в дороге дает повод честно забыть о приличиях, – сразу решила она, взяв тарелку. – И если хозяин обидится, сам виноват!

Злость, которую в ней пробудила служанка, еще не прошла. Ей хотелось шокировать мага, давно занимавшего мысли, ведь встреча с девчонкой и Альвом задела ее самолюбие! Будь рядом равный противник, она бы его осадила, заставив считаться с собой, но возиться с детьми... Нет! Ответить за их непочтение должен был взрослый, позволивший им распутиться! Сложив на тарелочку все, что понравилось, Илана без церемоний устроилась в кресле и стала есть, не дожидаясь хозяина.

– Может, хотите вина? – прозвучал рядом с ней чей-то голос.

Мужчина возник ниоткуда, из воздуха. Видимо, он полагал, что смутит ее этим, однако Илана в ответ лишь кивнула:

– Налейте.

Когда он ей подал бокал, то их руки столкнулись. Илана ему улыбнулась. Дерзко. Самоуверенно. Даже напористо. Он улыбнулся в ответ. Очень мягко и вежливо. Даже тепло. И на редкость спокойно. Как будто бы он каждый день видел рыжих красавиц в штанах и рубашках с распахнутой грудью, не чувствуя к ним ничего!

– Мы вас ждали с большим нетерпением, – начал мужчина. – Вы первый Искатель, попавший к нам...

Слушая ровную речь, она вновь ощутила прилив неожиданной злости. Ее провели, как девчонку! В легендах герой Агенора был воином-магом, способным смести войско «Службы», вогнать в дрожь чудовищ, изгнать нечисть. А собеседник казался, скорее, изящным придворным, чем дерзким бойцом.

Дорогие перчатки, которые он не снял, даже когда наливал ей вино, говорили о том, что красавчик боится испортить свои белоснежные ручки! Бородка могла подсказать: он старается следовать лонгрофтской моде. Почти незаметный, слегка красноватый отлив его черных волос выдавал, что их попросту красят. А может быть, и подвивают...

Мужчина отставил бокал и взглянул на нее с изумлением. Было похоже, что эта догадка Иланы его позабавила. В темно-зеленых глазах вдруг запрыгали искорки смеха.

– Я вправду не воин, – сказал он Илане, – хотя и могу защитить себя. И я не тот, за кого вы меня принимаете. Не Ливтрасир. Мое имя Горад. А перчатки – не прихоть, а средство защиты. Мои руки слишком чувствительны, я не могу прикасаться к обычным предметам без риска.

Горад ей не стал пояснять, о каком риске речь. Он, наверно, подумал: Искатель и так все поймет, но Илана не смыслила в разных магических штучках.

– Горад, для чего Ливтрасир пригласил меня? – резко спросила она, ощущая себя оскорбленной.

Герой агенорских легенд ее просто унизил, заставив общаться невесть с кем!

– Помочь раскрыть кражу, – слегка улыбнувшись, ответил волшебник в перчатках.

Сначала Илана решила, что он пошутил. Направляясь сюда, она думала, что дело в некой «загадочной секте», недавно возникшей у них в Агеноре. Хейд явственно дал ей понять, что Илана должна встретить клиров. Она допускала, что так же речь может пойти о лазутчиках «Службы», обманом проникнувших в Круг. Даже убийство Илану задело бы меньше, чем то, что сказал ей Горад.

– Раскрыть кражу? Какую? – спросила она, не пытаясь скрывать раздражение.

Зеленоглазый мужчина ответил не сразу, как будто колеблясь, разумно ли ей открыть правду. Должно быть, Горада, как многих других, настораживал внешний вид гостыи. Он, зная о том, что Искатель из «Ордена» – женщина, ждал, что ей будет за сорок. Как будто бы жизненный опыт мог значить побольше ума и таланта Иланы!

– Вы можете дать слово, что ни один человек не узнает о том, чем вы здесь занимались? – спросил наконец Горад, словно решившись на что-то.

– Огласка и мне ни к чему, – усмехнулась Илана, давая понять, что его вопрос глуп. – Приехав к вам, я нарушила правила «Ордена».

Она могла бы сказать, что у них исключали из «Ордена Правды» за меньший грех, чем незаконный контакт с Наделенным, отвергнутым «Службой». Однако Илана не просто смолчала, она постаралась рассеять саму мысль об этой угрозе. Совсем ни к чему открывать уязвимое место, давая возможность собой управлять!

Но, похоже, ее собеседник в перчатках сумел уловить, что Илана проделала нечто особое. Он улыбнулся ей, как неразумной малышке, усилив досаду Иланы.

– Магистр не узнает о вашем проступке. Закончив свой поиск, вы сразу забудете, где побывали. Но нам важно, чтобы никто в Агеноре не знал, чем вы здесь занимаетесь.

– Я не хочу забывать! – встrepенулась Илана, уже не пытаясь скрывать раздражение. – Опыт поездки – часть платы за поиски вора!

– Ваш опыт останется с вами, – легко согласился Горад. – Вы забудете, где побывали, с кем виделись. Но схема поиска и память чувств сохранятся. Вернувшись, вы будете помнить Гальдор и прощание с Хейдом, но больше не будете той, кем приехали.

– То есть? – спросила Илана, почувствовав, как по спине пробежал холодок.

Разговоры о том, что владевшие Силой способны сломить человека, заставить его стать послушным орудием, часто велись у них в «Ордене». Мастер из «Службы» два раза в год по две недели учил их «защитам, доступным простым людям».

Они смеялись над этим, считая занятия чисто формальным свидетельством благонадежности. А теперь ей захотелось припомнить хотя бы простейший набор охранительных знаков. Но память Иланы смогла воскресить лишь «замок», применяемый против «дурных взглядов».

– Все ваши страхи напрасны, – опять улыбнулся Горад. – Здесь не станут ломать вашу волю. Я просто хотел сказать, что, обретая какое-то знание, мы изменяемся. Сами.

– Поверю на слово, выбора нет, – рассмеялась Илана, в упор посмотрев на Горада.

– Нет лучшей защиты, чем смех, – обучали их в «Ордене Правды». – Любому известно: смеется лишь тот, кто уверен в себе и силен. Смех смущает, сбивает противника с толку, рождая немало вопросов.

– Есть. Выбор всегда есть, – ответил Горад. – Вы ведь вправе уехать.

– Все кражи по степени сложности делятся на три ступени, – сказала Илана, давая понять, что решилась. – Оплата...

– Для нас не важна. Если вы возвратите нам то, что пропало, вы можете смело назвать свою цену. Любую. Отказа не будет.

– А ваш Ливтрасир знает, что вы сейчас предложили мне? Он согласится платить? – усмехнулась Илана.

– Конечно.

– Тогда расскажите подробнее, что я должна буду сделать.

Горад замолчал, поднял руки, и из пустоты вдруг возникли еще трое: двое мужчин и какая-то женщина. Они, включая Горада, стояли крестом вокруг кресла, в котором сидела Илана.

– Простите, что мы появились не сразу, – сказал ей один из них, тот, что стоял справа. – Но иногда человек сам не знает, что он проводник информации. Мастер способен использовать

разум любого в своих целях. «Служба» уже прибегала к таким штучкам, чтобы узнать, как живет Круг.

– Пошли вы к Лайцерфу! – едва не вспыхнула Илана, однако, взглянув на мужчину, она прикусила язык.

Глаза... Синь морской бездны, пронизанной множеством светлых огней... Вихрь сияющих искр... Звездный дождь на ночном темном небе... Поток голубого огня среди синего мрака затягивал и подчинял, заставляя забыть обо всем...

Наваждение длилось какую-то долю секунды, потом отпустило. Илана опомнилась даже быстрее, чем думала. Снова поймав его взгляд, она твердо теперь убедилась, что это совсем не иллюзия. Цвет оболочки вокруг странно-узких зрачков был таким же, как цвет незнакомого камня, который мужчина носил на груди: синий мрак с ярким проблеском светлой искры...

– Наделенный? Скорее, потомок одной из магических рас, истребляемых «Службой». Так вот он каков, Ливтрасир! – пронеслось в голове, и мучительно-жаркий комок подкатил к горлу.

Гнев моментально исчез, уступив место жгучей волне любопытства. Илана буквально впилась взглядом в это лицо. Тонкий вырез ноздрей, необычный разрез странных глаз, удивительно бледная кожа... Волнистые черные волосы, крупные губы, расстегнутый ворот рубашки, высокий рост... Раньше Илана мгновенно могла описать внешний облик любого до самых мельчайших деталей, а тут взгляд скользил, отмечая отдельные признаки и не давая составить словесный, достаточно полный портрет.

– Вы похожи на образ из наших легенд, – улыбнулась она, постаравшись прикрыть замешательство и ощутив, что краснеет.

Она не была смущена, как наивная девочка, жаркий румянец был знаком волнения и интереса. Илана его никогда не могла скрыть, однако за годы работы легко научилась ему придавать нужный смысл, от восторга до вспышки отчаянья.

– Вождь Агенора, мифический воин, волшебник...

Илана сейчас не играла, она говорила, что думает, зная: живой интерес льстит любому. Он вправду ее поразил, Ливтрасир. Он был точно таким, каким должен быть: очень высоким, с поистине царской осанкой и странною пластикой крупной лесной кошки... Маг, воин, вождь!

– Он похож не на образ легенд, а на Орма, на сводного брата, с которым вы были знакомы в Гальдоре, – с прохладной улыбкой заметила женщина-маг.

Слова были как будто нейтральны, однако задели, напомним: герой агенорских легенд не свободен. Илана еще не забыла рассказов о Рыси из леса, стравившей двух братьев. Тогда, в Гальдорхейме, она отнеслась к сплетням с долей иронии, зная: столкнуть двух мужчин, ошалевших от страсти, легко. Но теперь, встретив Руни, лесянку из чащи, она ощутила мучительный всплеск неприязни.

В ней, в хрупкой жене Ливтрасира, Илане не нравилось все, начиная с волнистых волос, излучающих странный мерцающий свет, и кончая носком узкой туфельки, скромно прикрытой ее длинным платьем. Придирчивый взгляд в один миг оценил необычную бледность, припухлые губы, одежду лесной ведьмы...

Узкое платье с опушкой из белого меха и длинные серьги могли лишний раз подчеркнуть, как нелеп ее собственный вид в сапогах и рубахе. Илана впервые открывала, что этот привычный наряд вызывает в ней чувство стыда. И глаза... Глаза ведьмы! Они были точно такими же, как и глаза Ливтрасира!

– Вам это не нравится, – тихо заметила Руни, давая понять, что она уловила конец ее мысли.

Слова разозлили.

– Я думаю так, как хочу! А привычка вторгаться в чужой разум очень похожа на обыск. Есть люди, которые любят порыться в чужих письмах и сундуках. Это им доставляет особую

радость. Наверное, у вас это принято, хотя в столице считается очень позорным! – с насмешкой сказала Илана, надеясь смутить белокурую ведьму.

– Пример неудачен, – ответила Руни. – Я дам вам другой. Попробуйте представить: ваш гость, войдя в дом, начинает с того, что кричит во весь голос о том, как ему отвратительны все, кого он повстречал, начиная с детей и кончая хозяйкой.

– Но я не кричу, я молчу, – улыбнулась Илана как можно наивнее.

– Мысли реальны, как речь, и вам это известно, – ответила Руни. – Альв, Мерта, Горад... Они ждали вас, чтобы помочь здесь освоиться, а вы обидели их. Просто так, мимоходом, из прихоти.

– Это забавно! Вы сами меня пригласили к себе в Агенор, чтобы я помогла раскрыть кражу. И вы же хотите внушить мне, что я монстр! – сказала Илана, игриво взглянув на мужчин. – Но я добрая, я вам готова помочь!

– Очень рад это слышать, – с сарказмом бросил четвертый маг, крепкий блондин двадцати пяти лет с простоватым угрюмым лицом. – Только можно ли верить словам?

Тон звучал агрессивно. Как видно, жена Ливтрасира смогла заронить в его сердце искру неприязни к Илане.

– Придется, Йонн, – тихо ответил Горад.

Хотя он говорил очень мягко, четвертый маг, Йонн, покраснел так, что россыпь веснушек на лбу и щеках совершенно исчезла. Вzbешенный взгляд, брошенный им на Илану, сказал, что он, так же, как Руни, не хочет вмешательства в их дела.

– Магия просто бессильна. Ни шар, ни вода не берут похитителя. Память предметов молчит. Мы не можем понять, что стирает ее. Потому-то и нужен Искатель, – сказал Ливтрасир Йонну, чтобы пресечь зарождавшийся спор.

– Что украдено? – громко спросила Илана, давая понять, что пора позабыть об эмоциях и перейти к делу.

– Свиток из Зала Запретного. В нем очень четко расписано, как поднимать и снимать Купол, – просто сказал Ливтрасир.

– Купол – это энергия, что хранит город от Жриц «Службы», – ровно добавила Руни, давая понять, что их ссора с Иланой не может мешать делу. – Мы поднимаем его, когда враг у ворот. Наша Сила и несколько древних машин помогают его удержать без особых потерь.

– Две недели назад я нечаянно вдруг обнаружил, что один прибор отказал, перестал принимать и усиливать Мощь, – почти сразу продолжил Горад. – Мы пытались понять, в чем причина, пока не открыли: прибор обвит странным, невидимым коконом. Он изолировал Силу. Убрать его было непросто, однако мы справились.

– Я не смогу обнаружить того, кто свил кокон, Искатели мало что смыслят в подобных вещах, – перебила Илана.

– Мы знаем, – язвительно вставил Йонн, словно стремясь подчеркнуть разность их восприятия.

– Тогда возникла идея: добавить в хранилище свиток, в котором подробно описано, как обращаться с приборами Древних, – как будто не слыша ехидного выпада Йонна, сказал Ливтрасир. – Их устройство, воздействие Силы на цепи кристаллов, сверкающий Купол, «сжигание» коконов...

– Кто предложил это сделать? – спросила Илана, уже понимая, о чем пойдет речь.

– Я, – с напором ответил ей Йонн. – В нашем зале Запретного много таких документов. Они помогают сблечь потаенное Знание. Раньше один Горад мог управляться с наследием Древних. Теперь и мы сами, и дети хотим перенять его опыт.

– Зачем?

– Неизвестно, как сложится жизнь. «Служба Магии» вряд ли отступит. И если из всех Наделенных, живущих в Кругу, уцелеет хотя бы один, у него будет шанс выжить, если он сможет использовать эти машины!

– Достаточно странная мысль, – усмехнулась Илана. – Вернув себе Круг, «Служба» вряд ли позволит кому-то коснуться приборов.

Йонн вновь покраснел, а короткая синяя жилка на левом виске стала резко пульсировать.

– Я побывал в катакомбах! Я несколько лет жил в Убежище... В двадцать два года я стал стариком по вине Мастеров «Службы Магии»! Чуть не погиб, помогая вернуть детей семьям!

– Не надо, Йонн, – жестко прервал Ливтрасир, очень быстро взглянув на Города. Илана могла бы поклясться, что он ему что-то успел передать. – Перестань. Все мы помним те дни.

– Да? Она обвиняет меня в том, что я продал город! Что я специально...

Йонн вдруг побледнел, его стала бить дрожь, и он сразу осел на пол. Город, подойдя, наклонился к нему, положив ладонь на мокрый лоб. Потом он очень сухо и резко, скандируя каждый слог, выкрикнул несколько фраз на чужом языке.

Йонн затих и обмяк. Словно бы позабыв, для чего они здесь, он позволил Города себя увести.

– Извините его, – очень тихо сказал Ливтрасир. – С ним такое бывает.

– Прощальный дар «Службы», – добавила Руни. Ее голос был очень жестким. – Вам нужно следить за своими догадками. Мысль ранит хуже простых слов.

– В Лонгрофте всегда отвечают улыбкой на выпад противника, даже подростки стыдятся устраивать сцены. А я не враг Йонна, я лишь исполняю работу, которую мне поручили, – опять улыбнулась Илана, почувствовав радость.

Ей было приятно задеть синеглазую ведьму. К тому же дурацкий припадок скорее смешил, чем будил жалость. Йонн вызывал в ней презрение. Разве нормальный мужчина забьется в конвульсиях из-за каких-то догадок?

– У нас не Лонгрофт, – очень ровно ответила Руни, почти повторив слова Альва.

– У вас Агенор, где с презрением смотрят на самых обычных людей?

Руни что-то хотела ответить, однако взгляд мужа заставил ее промолчать.

– Мы позвали Искателя, чтобы понять, что у нас происходит, – сказал Ливтрасир.

– Да, – кивнула Илана, довольная этой поддержкой. – Вернемся к работе.

– Город записал все, что знал о приборах, а утром отнес свиток в зал. Положив его в ящик «особых защит», Город закрыл замок, наложил заклинание и вышел. В полдень я открыл тайник. Он был пуст, свиток пропал.

– Что вы сделали, чтобы найти его?

– В первую очередь, определили, кто был тогда в зале.

– И?

– И ничего! Только те, кто всегда.

– А конкретнее?

– Я и ребята, – сказал Йонн. – Альв, мальчик, который вас встретил, и Айлон. Еще были Руни, Мелен, Лунд. Две девочки: Нанна и Мерта. С Мертой вы тоже знакомы.

– Чем вы занимались?

– Йонн вел свой обычный урок, я читала, – ответила Руни. – А Лунд и Мелен заходили ко мне обсудить план открытия ярмарки на главной площади.

– Ярмарки? – переспросила Илана.

– Да. Раньше ярмарки здесь проводили почти каждый год. Мы подумали, что будет лучше возобновить их опять. Но так, чтобы в наш город под этим предлогом не смог проскользнуть отряд Жриц, Истребителей и Мастеров «Службы», – просто ответила Руни.

– Понятно. А девочки?

– Мерта и Нанна? Горад должен был их забрать для работы в Хранилище. Поиск магических практик, – сказал Ливтрасир.

– Круг достаточно узок, а значит, найти вора просто, – пожала плечами Илана. – Работа для Стражи!

– На первый взгляд – да, но никто не брал свиток, – ответила Руни. – Йонн и двое мальчиков не расставались. Мелен с Лундом были со мной и ушли вдвоем. Девочки, Мерта и Нанна, придя, скромно сели у входа в Хранилище и стали ждать. Я их видела.

– Что вы предприняли дальше?

– Мы поговорили со всеми, кто был в зале. С каждым отдельно. Рассказы совпали во всех мелочах. Тогда мы попытались использовать магию, чтобы прочесть Память главных предметов, но безрезультатно.

– Все четверо?

– Да, мы следов не нашли.

– Нанна точно такое же пугало, как и подружка? – внезапно спросила Илана.

– Пройдет два-три года, и «пугала» вас обойдут, – очень кротко заметила Руни. – Они станут очень красивыми! А еще Мерта и Нанна умеют понимать и сочувствовать...

– Сколько им лет?

– Мерте скоро пятнадцать, а Нанне шестнадцать, они еще дети, – с улыбкой сказал Ливтрасир.

– Да? В шестнадцать-то лет?! – усмехнулась Илана.

– И даже в семнадцать, – ответила Руни. – Им нужно узнать очень многое, прежде чем встретить любовь и создать семью. К счастью, такие ребята взрослеют физически позже обычных детей.

– Это уж когда как! – перебила Илана. – Я слышала, Жрицы в свои десять лет успевают испробовать ласку Наставников. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Не совсем.

– Может, некий красавец без Силы, но любящий деньги, решил поразвлечься, используя вашу наивность? Ведь девочки часто выходят из Круга? Он мог их легко обольстить.

– Но зачем? – удивленно спросил Ливтрасир.

– Чтобы их убедить раздобыть документы из зала Запретного и продать свитки...

– Кому? Мастерам «Службы Магии»? – спросил Горад.

– Может быть... – протянула Илана, не глядя на мага.

– Но ваш красавец, Илана, не мог знать, что мы описали, как можно поддерживать Купол. Не мог угадать, где мы будем хранить этот свиток. Не мог научить Мерту с Нанной, когда и как лучше всего его взять, – перебил Ливтрасир.

– Разумеется! Но разве трудно представить, что в зале Запретного есть очень ценные письма? Простой вор, случайно попав в дом, способен смекнуть, где искать бриллианты и золото. Тот, кто умеет читать, знает, что документы и книги дороже любых побрякушек, к тому же...

– Пропажу письма или книги заметят не сразу? – продолжила Руни.

– Конечно. А то, что пропал свиток, связанный с Куполом – просто случайность! – сказала Илана, вставая. – Она очень часто способна сыграть с нами гадкую шутку. Девочки не взяли бы документ, если бы понимали, что делают.

– Значит, вы твердо уверены, что документ попал к девочкам? – прямо спросил Ливтрасир.

– Нет. Это лишь одна версия. Есть и другие. Мне нужно спокойно обдумать все, прежде чем мы начнем действовать. Ливтрасир, когда треть воды в этих чудных хрустальных часах, украшающих зал, перельется, я жду вас. Мы вместе обсудим, что делать и как вернуть свиток, – сказала Илана, вставая. – Других прошу нам не мешать!

– Вот напор! – улыбнувшись, сказал Ливтрасир, едва двери закрылись. – Надеюсь, она понимает, что делает?

– Вряд ли. Ей нужен предлог, позволяющий нам показать, что Искатель Илана умнее, решительней и предприимчивей всех... А еще ей не терпится ближе с тобой познакомиться, – с грустной усмешкой сказала жена. – Как всем тем, кто давно осаждаст Круг, жадно мечтая взглянуть на живую легенду.

– Хейд мне говорил, что Илана – хороший Искатель. А Хейд не из тех, кто способен купиться на яркое личико или пустое бахвальство.

– Возможно, – устало ответила Руни, вставая со стула.

Она подошла к окну, словно желая на что-то взглянуть во дворе, но не стала отдергивать бархат, скрывавший стекло. Сжав тяжелую ткань, Руни просто застыла на месте.

– Ты где, Руни? – тихо спросил Ливтрасир, подойдя к жене и обнимая ее.

Руни вздрогнула, словно забыв, кто с ней рядом, но тут же опомнилась и осторожно прильнула щекой к плечу мужа.

– Я здесь, с тобой, Эрл. Как всегда.

Это старое имя, которым его называли лишь самые близкие люди, согрело, как тихая ласка. Назвав его так, Руни словно давала понять, что они сейчас только вдвоем. Ему больше не нужно играть роль правителя, мага, который не знает сомнений и может всегда найти выход... Но, когда Эрл попытался обнять Руни, он ощутил, как она напряглась.

– Ты сегодня не Рысь, а лесной дикий ежик. Клубок острых игл, – улыбнулся он, шуткой стараясь развеять ее непонятный протест. – Невозможно коснуться, нельзя приласкать...

– Извини, я, наверно, была не права, – отстраняясь, сказала жена. – В Агеноре беда и нам нужен Искатель. Мои чувства здесь не при чем. Но мне было бы легче, пришли Хейд мужчину. Он должен был это понять...

– Ты о чем? – удивленно спросил ее Эрл.

– Ни о чем... Обещаю тебе, что я буду держаться достойно. Нельзя опускаться до уровня тех, с кем нас сводит Судьба...

Голос Руни был тих и спокоен, но Эрл хорошо знал жену. Эта внешняя кротость, к которой она приучила себя в Гальдорхейме, была хуже ссор. Он всегда ненавидел ее, эту маску смирения и отчужденности, мрачную память тех лет, когда Руни была женой Орма. Не в силах бороться с удушливым липким кошмаром обиденной жизни, она приучила себя «уходить», исчезать неизвестно куда. Тело рядом, а дух...

– Я устала. Устала от лжи, – уловив что-то, тихо сказала жена. – Я устала молчать, делать вид, что не слышу чужих оскорблений. Устала терпеть откровенное хамство, насмешки, презрение.

Эрл попытался свести дело к шутке:

– Терпеть? Ты прекрасно умеешь себя защищать. Наша гостья еще не успела открыть рот, как ты...

– Открыть рот? – повторила за ним Руни, странно взглянув на него. – Это важно? Зачем ей вообще говорить? Ранит вовсе не слово, а мысль. И потом... Когда я ей ответила, ты был задет. Почему?

Эрл вздохнул.

– Ты же знаешь сама. Мы сильнее, нам больше открыто. А значит, мы должны понимать и прощать тех, кто смотрит на мир по-другому.

– Должны... Мы должны... – усмехнулась жена, глядя мимо него. – А они? Почему же они не щадят нас? Посмей кто-то высказать вслух хоть десятую часть из того, что он думает об окружающих, и они сразу заставят его замолчать. А мы... Мы...

– Нам приходится это терпеть, – улыбнулся Эрл. – Это цена нашей Силы. К тому же не каждый, кого мы встречаем, враг.

– Как для кого. Тебя любят здесь. Ты Ливтрасир, защищающий жизнь, герой новых легенд. А я – ведьма, нахально занявшая место твоей жены... Я Рысь, волшебница, тварь, овладевшая с помощью чар твоим сердцем... Я очень устала терпеть этот мощный поток непрерывной агрессии...

Эрл снова обнял жену.

– Пусть завидуют. Ты моя сказка, моя белоснежная Рысь... Моя хрупкая льдинка...

Она отстранилась.

– Не надо. В любой момент могут войти.

– Ну и что? Ты моя жена, и я люблю тебя, Руни. Люблю... Как в тот день, когда в первый раз встретил...

– Той Руни давно нет, во мне ничего не осталось от прежней лесянки... Тогда я пришла в замок Орма, не зная законов людской жизни, не понимая себя...

Но закончить то, что начала говорить, Руни просто уже не смогла, потому что вернулся Горад.

– Йонн заснул, – сказал он. – Обошлось. Но мне очень не нравятся эти припадки. Они начались почти сразу, как спутали первый прибор...

Глава 4.

Возвратившись из залы, Илана открыла шкатулку и вынула лист. В силу давней привычки она собиралась вписать в него то, что услышала, четко простроив события и проработав путь поиска нужного свитка. Однако зеленый песок необычных часов, находившихся в комнате, на треть засыпал кристалл ярко-желтого цвета, лежавший на дне, а листок из шкатулки по-прежнему был белоснежен. Работа не шла ей на ум, мысль Иланы опять возвращалась назад, к встрече с магами.

– Нет, я не стану писать, это слишком опасно, – решила она, отложив перо. – Девочки или еще кто-то... Горад и Руни считают, а может быть, делают вид, что они верят: свиток похищен для «Службы», но... Хейд не ошибся, когда помянул наших старых знакомых из секты. Для них этот город, привыкший дрожать перед Силой – подарок Святого.

«Любой, пожелавший возвыситься с помощью чар, попадает во власть повелителя Мрака. Не важно, кому он желает служить: своей прихоти, воле Властителя или Святому. Он – не человек и не смеет жить между людьми. Мы готовы помочь овнам снова вернуться в свое стадо, если они добровольно дадут разорвать аркан Мощи, влекущей их в бездну...»

Илане не раз попадались такие листовки. Хотя «Служба Магии» в Лонгрофте очень сурово карала тех, кто читал этот горячечный бред, люди их находили повсюду. Достаточно было оставить коня, зайдя в ближний трактир, чтобы там пообедать, как в сумке уже появлялся подобный листок.

В Агеноре пока не читали посланий от клиров, однако представить, как примут их, было легко. Уже много веков Силу здесь почитали проклятием, Злом, разбивающим семьи, ломающим судьбы людей. Шанс сберечь жизнь ребенка ценой отречения от необычных способностей многим казался желаннее странной учебы в Кругу.

Ливтрасир... Йонн... Горад... Город принял их помощь в борьбе против «Службы», однако возможность без крови и мук уничтожить опасный источник, привлекающий к ним Мастеров, соблазняла куда больше призрачной власти, даваемой детям искрой Силы.

– Ливтрасир скоро узнает, какая опасность грозит магам из Агенора, поймет, как им всем повезло, что я рядом... А жаль! – пронеслось в голове у Иланы. – Жаль, что он – Наделенный!

Последняя мысль отрезвила, прогнав эйфорию, возникшую после их встречи. В душе, словно маленький гадкий червяк, шевельнулось противное чувство сомнения. Те Наделенные, что попадались Илане, смотрели всегда сверху вниз, не желая признать ее равной. Илане хотелось бы верить, что он, Ливтрасир не похож на них, но прежний опыт учил не спешить делать выводы.

– Я уже знаю, кому предназначен украденный свиток, – сказала Илана, когда они встретились. Она старалась не выдать волнения, мощной волной захлестнувшего душу, едва Ливтрасир подошел к ней. Должно быть, оно объяснялось возможностью вновь поквитаться со старым противником. – «Служба», скорее всего, не при чем, это клиры. Вы слышали что-нибудь о такой секте?

– Немного, – кивнул Ливтрасир. – Хейд мне говорил, что для них Сила – зло, безразлично, кому она служит.

– Я раньше не знала о «коконах», но не раз слышала, что Наделенный, попав на сход клиров, теряет свой дар, – продолжала Илана. – «Служба Магии» часто использует «Орден», желая раскрыть преступления, где фигурирует секта.

– Разумно. Ведь если клиры способны стирать Память, то Наделенный бессилён узнать правду, – тихо сказал Ливтрасир, не сводя взгляд с Иланы.

– О секте нам лучше пока умолчать, – предложила она, ощутив, как кровь вдруг приливает к щекам. – Ведь они превращают волшебников в самых обычных людей! В Агеноре сочтут это даром Святого. Ведь третий маг, Йонн, пострадавший от «Службы»...

– Не станет общаться с людьми, для которых любой человек «овен в стаде, готовый снести кару пастыря с должным терпением,» – мягко прервал собеседник Илану, давая понять, что он тоже читал листки. – Йонн не станет служить клирам, он дорожит своей Силой. В Кругу Йонн живет так, как хочет. Его уважают и любят, к тому же...

– В его руках власть? – усмехнулась Илана, считая, что верно закончила мысль Ливтрасира. – Но клиры способны ее дать любому. Земные дела привлекают их больше, чем можно подумать, услыв жаркую проповедь...

– Йонн – маг, он вряд ли предаст нас, – спокойно сказал Ливтрасир.

– Тем не менее, клиры нашли человека, который, испробовав, чем грозит Сила, решил, что куда безопаснее жить без нее. Йонн, Горад или...

– Нет, не Горад, уж скорее я сам, – перебил Ливтрасир. – Я ведь долго не знал, что я из Наделенных. Без Силы я смог бы и выжить, и жить. А в тех землях, где вырос Горад, Мощь – дар Неба, такой же, как голос, слух, зрение или способность дышать.

– Хорошо, – согласилась Илана, – оставим Горада. В Гальдоре я слышала, что Руни, эта волшебница... – звать синеглазую ведьму женой Ливтрасира она не желала, он явно заслуживал лучшей подружки!

– Руни знает, как страшно себя потерять. И она повидала достаточно, чтобы не верить пустым обещаниям клиров, – прервал Ливтрасир.

Он сказал это просто, но твердо, давая понять, что любая попытка Иланы продолжить беседу о Руни бессмысленна.

– Ладно, я больше не буду гадать, – согласилась Илана, жалея, что ей не позволили высказать то, что она о ней думала. – Сделаем так: побеседуем с теми, кто был в Зале в день кражи свитка. С детьми и с мужчинами. Я буду спрашивать, а вы – следить, как они реагируют. Вам ведь легко обнаружить ложь или помочь вспомнить все, что забылось? Я слышала, что Наделенный, введя в транс, любого заставит открыть даже то, что не вырвешь физической пыткой. Конечно, ребята владеют зачатками магии, но вы сильнее. Вы сможете их подчинить.

Илана верила: план идеален. Ее удивило, когда Ливтрасир возразил:

– Так нельзя.

– Почему?

– Если мы это сделаем, то уподобимся «Службе».

– Неужто? – с издевкой спросила Илана, мгновенно забыв о тех чувствах, которые в ней пробудил собеседник. – Я здесь меньше дня, но уже поняла, что все только и знают, что рыться без спросу в моих мыслях!

– Вся беда в том, что вы сильная женщина. Внутренне. В вас бурлит жизнь, – с непонятной улыбкой сказал Ливтрасир. – И поэтому каждая мысль превращается в мощный посыл, пробивающий легкий покров повседневной Защиты. Никто не хочет подслушивать, но вас нельзя не услышать.

Слова и обидели, и, в то же время, польстили.

– Я лишь выполняю задание. Так, как меня научили, – слегка покраснев от досады, сказала Илана. – Вам нужно знать, кто взял свиток? Прямо ответьте мне: да или нет?

Ливтрасир отвел взгляд, признавая ее правоту.

– Нужно. Если вы твердо уверены, что по-другому нельзя, я попробую всех убедить добровольно использовать технику транса.

– И если кто-то откажется, это и будет признанием, – мягко Илана, стараясь развеять неловкость, возникшую вдруг между ними.

– Не думаю. Здесь, в Агеноре, другие законы. Когда я впервые попал сюда, то очень долго не мог понять логику тех, кто родился и рос в этом городе. Люди боялись всего, они с детства привыкли искать подвох в самых обычных вещах.

– Попробуйте составить подробнейший список отрядов, приехавших в город, – сказала Илана, на время решив сменить тему, – недели за две до того, как Горад нашел «кокон». Все группы приезжих, в которых не меньше семи человек. Взрослых, а не детей. Дело, что привело их сюда, должно быть уже сделано, а предлог, не позволяющий ехать обратно, достаточно прост и разумен.

– Вам кажется, что человек, взявший свиток, еще не успел передать его?

– Да. Клиры действуют группами, по одиночке они совершенно бессильны. Взяв свиток, вор должен был сразу же его отнести в город или припрятать. Мне трудно поверить, что вы не спросили охрану, кто вышел из Круга. И если они...

– Да, вы правы, – кивнул Ливтрасир, – нам сказали: никто. А потом мы закрыли ворота, ведущие в Круг, и поставили стражу у люка из зала Запретного.

– Люка? – переспросила Илана. – Какого?

– Который ведет в катакомбы.

– Я могу осмотреть его?

– Да.

– Все приборы, которые вам помогают поддерживать Купол, внизу? – для порядка спросила Илана, хотя уже знала ответ.

– В катакомбах, – легко подтвердил Ливтрасир. – И мне трудно представить, что кто-то добрался до них. Разобраться в системе проходов, ведущих к приборам, способны я сам, Горад, Ионн, наделенные дети...

– А Руни?

– Нет, Руни туда не спускается, как и обычные люди.

Он ей не сказал, почему, а Илана его не спросила. Когда Ливтрасир пожелал сам ее проводить в зал Запретного, ей стало очень приятно.

– Я рада, что именно вы мне покажете люк! – словно бы намекая на что-то, сказала Илана.

Такие невинные фразы не раз выручали ее, помогая внушить собеседнику, что для нее он особый, совсем не такой, как другие мужчины. Но сердце мучительно дрогнуло, когда Илана услышала краткий ответ:

– И я тоже.

Илана уже не могла не признать, что, хотя Ливтрасир – Наделенный, он очень волнует ее. Она могла скрыть влечение, вдруг захлестнувшее сердце, пока они шли по дворцу, но совсем не хотела. Подросток пугается вспышки нечаянной страсти, мужчине она льстит сильнее любых комплиментов. Ее прошлый опыт учил, что иначе не может и быть.

Глава 5.

– Галар уже заснул, госпожа.

– Хорошо, Валла. Я посижу с ним немного.

Служанка, кивнув, отошла от ребенка, и Руни склонилась к кровати. Галар спал, сжимая в руке ярко-розовый хвост непонятного зверя. Он очень любил этот мягкий комочек окрашенной шерсти, хотя и не знал, как зовется пушистый дружок. Это «чудо» ему подарили Альв с Мертой. (Ребятам понравился яркий зверек, привезенный каким-то купцом из-за Моря.) Обычно, придя к сыну, Руни легко забывала обо всех неприятностях, но сейчас ей было плохо.

Почти две недели назад, согласившись использовать помощь Искателя, Руни нутром ощутила, что это опасно. Для города? Нет, для нее. Почему? Еще даже не видя Иланы, она угадала угрозу, а встреча разрушила хрупкий покой, обретенный с огромным трудом.

Прошло больше трех лет с того дня, когда Руни ушла в лесной дом, порвав с Ормом. Очнувшись от долгой болезни, она поняла: жар сжег память о прошлом, дав шанс возродиться, начать жизнь сначала. Однако ужасная ночь, пережитая Руни в Гальдоре семь лет назад, все же оставила след.

Отвращение, боль и мучительный страх, порожденные грубым насилием, вызвали шок. К счастью, резкий уход в рысь из леса открыл, что душа не так крепко завязана с плотью, как кажется. Позже, вернувшись назад, в свое тело, смертельно устав от претензий супруга, считавшего, что он загладил свой грех, сделав Руни законной женой, а не просто одной из наложниц, она подчинилась. Но, стоило Орму обнять ее, как страх глушил разум. И, не умея смириться, она «уходила». Всегда. Тело было во власти супруга, а дух далеко...

Начни Руни тогда ненавидеть того, с кем жила, ей бы было потом легче. Но неожиданный шок, пережитый в ту страшную ночь, перешел с человека на... Их отношения? Нет, на саму страсть. Протест вызывало общение тел, этот плотский контакт, при котором одна цель: любой ценой взять и насытиться. Ее тошнило от вспышек невидимой похоти и от семейных сцен...

Орм ее очень любил. Так, как он понимал. Как умел. То, что ненависть Руни достаточно быстро сменилась брезгливою жалостью и отвращением, ранило Орма. Не зная, зачем она так поступает с ним, он ее то проклинал, то молил о прощении. Не в силах вынести боль, он стремился унижить жену, оскорбить, обвинив в неудаче их брака. Привыкнув к восторгам любви, он просто не мог примириться с таким обращением.

– Кукла! Не Рысь, а лягушка в стоячем болоте! Холодная, скользкая... Лучше спасибо сказала бы, что я хоть как-то пытаюсь тебя разогреть. Да кому ты такая нужна! С тобой рядом любой станет психом!

Спустя время ругань сменялась мольбой дать ему шанс загладить вину и мощнейшей вспышкой похоти... Этот кошмар повторялся вполне регулярно.

– Ты просто не можешь любить! Ты не можешь смириться с тем, что не похожа на нас, на нормальных людей, и ты мстишь! Тебе нравится мучить, терзать, унижать! Это ты виновата во всем, что случилось! Одна только ты! Ты способна разбить жизнь любому! – не раз повторяла ее сестра, Свельд.

Постепенно она стала верить, что так и есть. Она одна виновата в том, что пробуждает в душе Орма низкие чувства. И в том, что не может родить. В том, что добрая, честная Свельд

начала ненавидеть ее. В смерти Эрла... Не будь ее, Орм вряд ли бы приказал убить сводного брата.

– Любая крестьянка порядочней, лучше, чем ты! Выйдя замуж по воле родных, она честно стремится помочь мужу, сделать его жизнь приятной. Она помогает ему в поле, варит обед, убирает их дом. И рождает ему сыновей. А ты только и знаешь, что роешься в книгах, поеденных червем и крысами. Как настоящая ведьма! Ты больше не помнишь, что есть долг жены, долг сестры, долг хозяйки. Тебя ничего не волнует, тебе не нужен никто!

Как ни странно, тогда речи Свельд не заботили Руни.

– За все в жизни надо платить! А ты, Руни, привыкла брать даром, при помощи чар. Тебе все поднесли на серебряном блюде: любовь, семью, замок. Ты можешь носить драгоценности, платья из бархата, есть необычные блюда, не думать о завтрашнем дне... А взамен от тебя ждут ничтожную малость: улыбку, приветливый взгляд, мимолетную ласку!

За все в жизни надо платить... За те блага, которые так восхищали сестру, муж хотел получать ее ласку, и Руни платила... Платила за то, чтобы быть в чужом замке, не думать о завтрашнем дне, не метаться, не жить.

– Меня нет. Мне не нужно уже ничего. А вам нужно? Пожалуйста! Только отстаньте, – могла бы сказать она всем окружающим.

Эрл, возвратившись в Гальдор, снова дал ей надежду, заставил опять начать жить.

Лесной дом... Руни вдруг показалось, что время вернулось назад, и она стала прежней. Пугало одно: вновь остаться одной в этом мире, опять потерять человека, которого любит. Однако инстинкт говорил, что навязчивость может спугнуть, и она прикрывала свой страх одиночества грустной улыбкой и слабостью.

То, что Эрл хочет ее, поначалу смутило и даже слегка испугало. (По счастью, в то время он просто не мог прочесть ее мысли.) Но рядом с ним было тепло и спокойно. Эрл не был напорист, его ласки были нежны, и он сам иногда был смущен тем, что с ними творится. Им было легко вместе. Даже защитный барьер, укрывающий чувства, не мог разделить их. Улыбки, слова, взгляды, прикосновения рук... И однажды она отдалась. Точно так же, как раньше другому, «уйдя» в никуда.

Он не понял, не смог уловить это бегство души. А она, возвратившись, увидела, как он ей рад, ощутила его благодарность и в первый раз вдруг поняла, что объятия – слишком ничтожная плата за радость быть вместе.

Она не могла отвечать страстью, но могла дать свою нежность, заботу, тепло. Потом Руни вообще не стремилась «уйти». Близость с Эрлом не пробуждала в ней горечи и отвращения. Она казалась похожей на некий простой ритуал, исполняемый ради другого. Ей было приятно дать то, что могло принести радость и не доставляло ей боли.

– Я очень люблю тебя, Эрл. Я люблю, как вообще никогда не любила... Мне так хорошо с тобой рядом... Когда ты меня обнимаешь, я счастлива...

Она ему не лгала. Ей действительно нравилось чувствовать рядом с собой его тело, ласкать его черные волосы, просто вдыхать запах кожи... К тому же примерно на пятую ночь она вдруг ощутила присутствие некой души, снизошедшей к ним. Она ждала воплощения, чтобы прийти в мир. И Руни ее приняла с благодарностью. Этот ребенок, Галар, для нее стал особенным знаком того, что их жизнь с Эрлом будет счастливой.

Решив ехать с ним в Агенор, Руни верила: прошлого нет. Но она ошибалась, оно очень скоро напомнило, что пережитое не исчезает бесследно. Уже в первый вечер, когда Горад снял блок Защит, подавляющих Силу, Эрл сразу почувал неладное.

– Что-то не так? – спросил он, обнимая ее. – Ты как будто бы здесь и не здесь.

– Я с тобой, – почти сразу ответила Руни.

– Но словно чего-то боишься. Когда я тебя обнимаю, ты вдруг замираешь, сжимаешься... Я тебя чем-то обидел?

– Нет, нет. Я люблю тебя, Эрл.

Но она ощутила, что он не поверил словам. Понимая, что Эрл легко чувствует ложь умолчания, Руни достаточно скупое ему рассказала о первом замужестве. Она не знала, чего ожидала в ответ на признание, но тишина, наступившая после рассказа, ее испугала.

– Я даже представить не мог, что такое возможно... Ведь все эти годы я думал, что ты добровольно осталась с ним, что вы по-своему счастливы... Я бы простил Орму многое, даже попытку убить меня. Но не тебя... – наконец сказал Эрл, глядя мимо нее. (В нем как будто бы что-то потухло, он вдруг постарел лет на десять-пятнадцать.)

– Не будем опять ворошить пепел старых обид, – прервала его Руни, уже сожалея об этом признании. – Мы вместе, я жду ребенка... Не верю, что прошлое может разрушить то, что началось.

Разговор растревожил, но он же и сблизил их. Нежность, забота, тепло, понимание, ласка... Муж словно хотел возместить пережитое ею с другим, а она отвечала ему тем же. Только однажды она испытала прилив настоящего страха.

Когда Орм пришел к Ливтрасиру просить о поддержке в борьбе с Черным Духом, пришедшим в Гальдор, он не знал, что загадочный маг – его брат. Беда не примирила их полностью, но притушила обиду и ненависть, вынудив вместе искать выход. Эрл решил ехать в Гальдор, позабыв о вражде с Ормом, чтобы загнать Черный Дух назад, в Магму.

После Совета, оставшись вдвоем с Руни, Эрл долго с ней говорил о делах Агенора. Как ей заниматься с детьми. Как при помощи Ионна поднять Купол, если нагрянет беда. (Горад должен был ехать в Гальдор вместе с Эрлом.) Он вел себя так, как всегда: был спокоен, внимателен, нежен. Пытался шутить. Но она ощущала в нем что-то чужое, еще неизвестное ей.

– Все дела и дела... Словно кроме них нет ничего, – вдруг сказал Эрл, обняв ее. – Я не хочу уезжать, не хочу расставаться с тобой. Ты нужна мне. Всегда. Знаешь, Руни, я очень люблю тебя. И я хочу, чтобы мы были счастливы... Я хочу дать тебе радость... Хочу, чтобы ты поняла, как я сильно люблю тебя...

Ее смутили не столько слова, сколько тон, каким Эрл это все говорил. А еще его руки и губы. То, как он ее прижимал к себе. Раньше его ласки были нежны, осторожны и трепетны. Руки, касаясь ее тела, словно хотели сказать, как они восхищаются им, как хотят пробудить в нем ответное чувство. Тепло... Благодарность... Забота... Поток чувств шел легкой светлой волной, заставляя забыть обо всем, унося за собой. А сейчас Руни вдруг ощутила пульсацию чисто физической страсти, прорвавшейся сквозь покров бережной нежности.

Руни легко поняла, что с ним. Эта поездка в Гальдор была очень опасна. Эрл шел, потому что не мог не идти. Понимая, что только огонь Силы Рысей способен изгнать Черный Дух, он готов был принять этот бой. Но бесстрашный герой, Ливтрасир, «воин Ливггарда», был только мифом, рожденным молвой, а Эрл был человеком из плоти. Он знал, чем рискует, столкнувшись с живым воплощением мрака. Отвага – не безрассудная смелость, а преодоление страха, который живет в душе каждого, но подчиняется воле. Опасность всегда пробуждает желание жить. Жить так, как не смел раньше...

Руни могла бы смириться с негладким натиском, если бы ей пришлось в голову просто закрыться. Любой Наделенный способен не только послать мысль, но и передать то, что он

ощущает, другому. Наверное, Эрл полагал, что, сливаясь с сознанием Руни, он ей помогает почувствовать вспышку огня, что бушует в крови, затемняя рассудок, веля позабыть обо всем. Он хотел поделиться с ней этим мучительно-страстным потоком, который несет непонятно куда, гася разум, суля наслаждение...

Эрл не учел одного: каждый любит по-своему, но страсть всегда одинакова. Древний инстинкт, проявляясь без всяких преград, мало чем отличается от равнозначных порывов других. И, коснувшись сознания мужа, почувствовав этот напор безудержных желаний, искусно скрываемых раньше покровом мучительно-сладкой, пронзительной нежности, Руни перепугалась до смерти. Столкнувшись с привычным порывом, сознание выдало полный набор позабытых картин ее первого брака и яркий букет прежних чувств, вызываемых Ормом.

Шок был слишком сильным, страшнее, чем после скупого рассказа о давнем насилии.

– Я не хотел причинить тебе боль, я не думал, что это так... Так ужасно... – сказал Эрл, немного опомнившись. – Руни, прости...

– Нет, это ты прости. Я ведь люблю тебя, Эрл, я совсем не хотела... – Сейчас Руни бы отдала очень многое, чтобы муж смог позабыть о случившемся. – Это как рана: она затянулась уже тонкой коркой, но может начать кровоточить от прикосновения. Лучше не трогать ее... И она заживет! Заживет совсем. Так, что не будет следа!

– Ты права, время лечит любые душевные раны, – ответил ей Эрл. – Вместо них остается лишь шрам. Он не может болеть, но и чувствовать тоже не может.

Сказал ли муж это ей вслух? Или просто подумал? А может быть, Руни сама, уже позже, закончила мысль? Сейчас ей было трудно припомнить, как все было.

Из Гальдорхейма пришло письмо Свельд, сестры Руни.

– Каждый нашел, что искал, – написала она. – Нужно только сберечь то, что нам подарила Судьба. И не смей никого проклинать за свой первый урок настоящей любви! Не будь Орма, ты бы никогда не узнала, что значит быть рядом с женщиной. «Мистический брак родных душ» – неизвестно, в какой из баллад Свельд нашла непонятную фразу – откровенно смешон. Ты не можешь почувствовать страсть, но ты можешь хотя бы нормально исполнить супружеский долг. Не забудь, что твои «утонченные чувства» достанут любого...

Зачем Свельд отправила это письмо? Вероятно, из чувства вины. Лучший способ защиты - атака. Она начала понимать свою роль в той далекой истории. Ведь без вмешательства Свельд Орм не смог бы поверить, что Руни - любовница Эрла. И именно Свельд заперла двери, чтобы сестра не смогла убежать, когда Орм, совершенно утратив рассудок, погнался за ней. И «дыхание грез»... Не достать тогда Свельд порошок, подавляющий волю и разум, венчания с Ормом бы не было. (Свельд это сделала ради двух самых любимых людей, полагая, что дарит им счастье.)

Есть старый прием, популярный у ведьм. Это «магия слова». Чтобы «слово» сработало, текст сообщения должен совпасть с подсознательным страхом намеченной жертвы. Письмо оказалось для Руни тем «словом», с которого все началось.

Прочитав письмо Свельд, Руни просто пожала плечами и бросила свиток в огонь. Ей совсем не хотелось опять вспоминать пережитое. Руни отчетливо помнила, как быстро он прогорел и рассыпался серым безжизненным пеплом. Тогда ей казалось, что так же сгорела, ушла ее боль.

Потом Руни пошла в зал Запретного, где ее ждал Горад. Он хотел ей показать катакомбы. До этого дня Руни там не бывала ни разу, хотя много слышала о необычных приборах. Она понимала, насколько они важны, знала, что нужно учиться использовать их, потому что она – Наделенная, но почему-то ее не тянуло в подземный мрак. В зале, где был люк, она ощущала

неясное чувство тревоги. Ей было неловко признать это, так как мужчины свободно спускались под землю, не чувствуя страха, и брали с собою ребят.

Руни недолго тогда пробыла в катакомбах. Она не успела увидеть не только подземную залу с приборами, но даже «комнаты», где жили дети. На середине пути Руни вдруг ощутила сильнейшую слабость. Потом пришла тошнота. Стало холодно, начался сильный озноб. Та «защита», которую Руни поставила, не помогала. Она не хотела признать свою слабость, решив, что продержится, выдержит, но Горад сразу заметил ее состояние. Он попытался помочь ей, прикрыв «пирамидой», которой всегда защищал в катакомбах детей. Безуспешно. Пришлось возвращаться назад.

Руни было мучительно стыдно за свой неудачный «поход». Даже здесь, среди магов, она оказалась беспомощной, слабой, ненужной.

Горад стал ее избегать. Руни не обвиняла его, потому что она понимала: он чувствовал к ней интерес, пока верил, что Руни равна им по Силе. Открыв, что она неспособна справляться с воздействием магии, он стал испытывать к ней только жалость. Ему стало скучно.

Мерона, приемная мать, обожала Свелд, и опасалась ее, Руни, видя в простых детских шалостях некий злой умысел из-за того, что в лесянке была Сила. Позже за это ее обвиняла Свелд. Что бы Руни ни делала, все вызывало протест окружающих. Она была плохой дочерью. Плохой сестрой. Плохой женщиной.

И теперь здесь, в Агеноре, она убедилась в том, что ни на что не годится. Она – плохая волшебница. Снова плохая... Тогда, в Гальдорхейме, ее обвиняли открыто. Теперь, в Агеноре, об этом молчат и старательно делают вид, что жалеют ее, не хотят причинять боль. И если она хочет выжить и жить, то должна подавить чувство острой вины, укротить его, спрятать от всех.

Руни справилась с чувством вины, но тревогу она заглушить не смогла. А потом пришел страх. Страх потери, которую не пережить.

В Круг не раз приходили обычные женщины из Агенора. Одни шли с бедой, веря, что найдут помощь, другие искали предлог посмотреть, как живут маги. Они не смели открыто третировать Руни, но и не любили ее.

– Волшебство – для мужчин. Нам положено просто вести дом, готовить еду и рожать детей, – как-то услышала Руни фрагмент разговора двух женщин. – *А эта, жена Ливтрасира, обычная ведьма. И что он нашел в ней?*

Ее поразила та злоба, с которой пришедшая это подумала. Зависть... Обида... И тихое бешенство... Нет, эта женщина не собиралась пленять ее мужа, тяжелая жизнь и лишения в ней потушили желание нравиться. Но, восхищаясь всем, что Ливтрасир совершил для их города, женщина думала, что он, великий волшебник, сам пал жертвой чар.

Будь жена Ливтрасира похожа на девушку с яркой лубочной картинки, она бы поверила, что он с ней счастлив, но тощая ведьма с пылающим взглядом совсем не годилась в подруги вождю Агенора. От чистого сердца жалея героя, она могла только молить бога, чтобы он спас Ливтрасира, открыл ему правду, заставил прогнать Руни и создать семью с крепкой красавицей, пышущей жизнью.

Хотя Руни знала, что Эрл посмеется над этой «заветной молитвой», она причинила ей боль, вновь напомнив: она в Агеноре чужая. Любя Ливтрасира, желая ему счастья, жители города были обижены выбором Эрла.

– Уйди, ведьма! – как-то прочла Руни в свитке, заброшенном через окно ее комнаты. – Тебе не место с ним рядом! Герой Агенора возьмет себе в жены одну из волшебниц, родившихся в городе!

Руни сожгла этот свиток.

Однажды в Круг к Эрлу явился беглец из Фирода, прося дозволения жить в Агеноре.

– Моя дочь общается с нечистой, - горько сказал он. - Уже третий месяц ее преследует Дух. Мы бежали из нашего города, чтобы ее не казнили. Я верю, что вы нам поможете.

Им разрешили остаться, а Эрл решил сам посмотреть, что к чему. Они вместе пришли в дом, который сняла семья. Комната девушки была завешана черными шторами, а стол уставлен свечами. Хозяйка, эффектная, совсем не старая, в броском наряде, держалась довольно кокетливо. Увидев, что Ливтрасир не один, она явно опешила.

– Вы не должны были брать с собой женщину, - с приторно-сладкой улыбкой сказала хозяйка, в душе проклиная незваную гостью. - Ей лучше уйти назад в Круг, ведь Дух может ее подчинить. Так же, как мою дочь!

– Не волнуйтесь, я знаю, как с ним обращаться, - спокойно ответила Руни, уже ощутив: здесь какой-то подвох.

Поняв, что добровольно она не уйдет, мать решила позвать свою дочь:

– Иллианта!

И в залу скользящей походкой, похожей на танец, вошла необычная девушка. Она шла, словно не видя вокруг ничего. Потом вдруг замерла в самом центре, напротив стола со свечами, закинула голову и засмеялась гортанным воркующим смехом. Ее странно-узкое платье из переливчатой ткани казалось прозрачным.

– Ах, мама, он снова пришел ко мне, этот неведомый дух! – начала Иллианта, прогнувшись всем телом. – Он мне говорил, что он хочет...

Она хорошо отыграла задуманный матерью фарс, эта девочка. Страстные вздохи, бесстыдные позы, двусмысленность реплик... А Руни увидела то, что всегда было скрыто от глаз посторонних.

Ненужный ребенок, мешающий матери и не способный найти настоящих друзей... Град упреков, невидимый плач, чувство, что недостойна общаться с другими... Что очень глупа, некрасива, застенчива... Боль от насмешек ровесников...

Как-то, на празднике, стоя одна в уголке и не зная, куда себя деть, взяла в руки бокал с вином... Выпила все, в знак протеста... И вдруг совершилось волшебное чудо! Исчезла извечная робость, ушла неуверенность... Она уже не была серой мышкой, она теперь стала принцессой! Она разбивала сердца! Второй... Третий бокал... И когда кто-то, выведя в сад, начал жарко шептать ей о том, что она – совершенство, девушка забыла про все...

Мать не осудила падения, она простила ее, а потом... Потом вдруг предложила опять повторить то, что было, но только с другим... А знакомый бокал совершил свое чудо: она вновь была королевой, она могла все! Ее жизнь обрела новый смысл, превратившись в триумф!

Мать теперь была ласкова с ней... Правда, вскоре вино потеряло волшебный эффект, но на помощь пришли золотые кристаллики...

– Хватит, пора прекратить этот фарс, – неожиданно резко сказал Эрл, вставая. – Идея сослаться на Духа вполне остроумна, но здесь, в Агеноре, и так слишком много борделей!

В ответ Иллианта опять закатилась пронзительным смехом, (она полагала, что ей говорят комплименты) а мать возмутилась:

– Вы нас оскорбляете!

Больше они не встречались, но Руни запомнила вечер надолго. Она жалела несчастную девочку, но не могла не признать, что ей стало тревожно. Наивная смесь беззащитности с явным распутством задела какую-то тайную струнку в душе Эрла, вызвав особое чувство.

Сама Иллианта соперницей быть не могла, даже если осталась бы в городе. (Мать увезла ее сразу, решив, что их план провалился.) А Руни впервые представила, что может выйти, когда вместо девочки, напрочь утратившей чувство реальности, в жизнь Ливтрасира войдет незнакомая женщина. Та, о которой мечтают обычные жители города: очень красивая, умная,

полная радости, без всяких там глупых принципов, не позволяющих брать то, что хочется... Ей стало страшно.

В Гальдоре вокруг Эрла было немало красавиц, включая певицу, медноволосую Альвенн, которая стала Подругой Хранителя. Они любили его, но как друга, как старшего брата, который мог и защитить, и утешить. Сама мысль о том, что он, Выродок, сын Белой Рыси, способен создать настоящую семью, казалась им странной.

А здесь, в Агеноре все было иначе. Герой, спасший город от «Службы», притягивал многих. И Сила, живущая в нем, не могла испугать тех, кто жаждал развлечься, найдя благовидный предлог попасть в Круг.

Раньше Руни спокойно смотрела на дерзкие выходки пылких красоток, считая, что Эрла они не волнуют, теперь Иллианта заставила думать иначе. А вскоре Судьба поднесла Руни новый «сюрприз».

С первых дней, выйдя из катакомб с остальными детьми, Авра им причиняла немало хлопот. Ей не нравились правила Круга и то, что приходится слушаться старших. Запреты, по мнению Авры, нужны были лишь для того, чтобы их нарушать. От нее доставалось и детям, и взрослым.

Сорвать нелюбимый урок, сделать в классе ловушку для Силы, тихонько разбить небольшую изящную колбочку с гнусно воняющим газом, который заставит чихать и сморкаться в течение дня... Пнуть соседку, с которой сидит за столом, вылить полный флакончик чернил на одежду мальчишки, который не так посмотрел... Плюнуть, стукнуть, потом укусить... И прикинуться бедной овечкой, которую все обижают...

Три мага терялись, не зная, что делать с подобным ребенком. И хуже всех было, конечно, Гораду, которого Авра терпеть не могла за его снисходительность к шалостям. (Мягкость и слабость в глазах Авры были едины.)

Ее встреча с Магом Цветов (Истребителем из «Службы Магии») стала не слишком хорошим уроком (2). Поняв, что отделалась очень легко, Авра твердо решила, что, раз Ливтрасир ее спас, то он должен ее полюбить. Появление Руни ничуть не убавило пыл этой девочки. Может, они бы потом нашли общий язык, но нескладный подросток у всех на глазах начал вдруг превращаться в прелестную девушку, знавшую цену своей красоте.

Это можно бы было снести, не начни Авра вновь донимать взрослых. Первым, на пробу, был выбран Ионн. Раньше он очень гордился тем, что у него меньше проблем с «милой деткой», чем у его друга, теперь же не знал, как себя защитить. Он боялся ее, как и всех других женщин, которых не понимал и желал, стыдясь этого чувства, считая его грехом.

Несколько лет назад, выбрав в невесты тринадцатилетнюю Мерту, Ионн верил: за годы, пока она будет расти, они как-то привыкнут друг к другу. Кокетство, достаточно гадкие шуточки и провокации Авры едва не лишили рассудка несчастного Ионна.

Горад очень долго терпел злые выходки Авры, считая: ребенку прощается все. Но едва только Авра решила сыграть с ним в игру по своим новым правилам, как поняла, что ошиблась в оценке противника.

Голое плечико, томный двусмысленный вздох и подол ее платья, поднятый до бедер, ничуть не смутили Горада. Он просто ее отчитал перед всеми. Язвительно, хлестко, жестоко. Сказал, что нормальный мужчина не станет возиться с сопливой девчонкой, которой расти и расти. Что от женщины в ней – только платье и пара ужимок, подсмотренных явно у местных распутниц. Что злоба, живущая в ней, и презрение к людям способны убить даже самый живой интерес. (Он, наверно, был рад отплатить ей за прошлые выходки.)

Авра рыдала весь день, вспоминая, что он говорил, а потом три недели вела себя смирно. И, самое странное, после скандала она начала относиться к Горату уважительно, даже с симпатией...

А через месяц, решив, что о сцене забыли, опять принялась за свое.

– Можно два-три вопроса? - могла спросить Авра у Руни во время урока истории. – Сколько наложниц положено вирду, который родился в Гальдоре? Как там поступают со старыми и надоевшими женами?

Потом, еще не дослушав ответ, продолжала:

– Я слышала, что жены вирдов вообще не умеют любить...

Кто-то сдержанно фыркал, а кто-то краснел, потому что тон Авры давал вполне ясно понять, какой смысл вложен в слово «любовь».

Эти выходки очень смущали ребят, но они им и нравились. Альв, Мерта, Сигрид и Нанна, когда-то дружившая с Аврой, пытались ее осадить, но другие почти восхищались ее неумностью. Они считали, что Авра пытается всем доказать, что она уже вышла из детского возраста. Эти подростки не думали, что за вопросами скрыт некий личный подтекст.

На занятиях с Эрлом она становилась другой. Этот юный цветочек, припрятав шипы, начинал источать аромат восхищения, нежности, трепета и целомудренной страсти. К несчастью для Авры, Эрл знал, что за чертик сидит в обольстительной куколке.

Руни старалась не думать об Авре, однако вопросы, которые девочка ей задавала по двадцать раз в день, не могли не сработать. Они укрепили ее неуверенность, скрытую маской спокойствия и всепрощения.

Свельд... Агенорская женщина, имя которой осталось загадкой... Авра и Иллианта... Илана... Она была самой последней и самой решительной. Она считала, что ей все дозволено.

И теперь, глядя на спящего сына, Руни вдруг поняла, что ждала ее все это время. Она сама притянула ее в Агенор, эту женщину... В ней было все, чего Руни боялась: напористость, ум, красота, самомнение. Она не станет щадить тех, кто будет мешать ей добиться желанного, и возьмет все, что захочет... Руни – плохая жена, а Илана не призрак из грез, а конкретный живой человек.

Глава 6.

Зал Запретного стал для Иланы открытием. Она считала, что комната будет похожа на книгохранилища, где ей не раз приходилось работать: прямые углы, кучи полок, заваленных книгами, и сундуков.

Но Зал был совершенно иным, он напомнил Илане большой полумесяц. Две арки делили его на три части: центральный квадрат и два «рога», один из которых был пуст. Его стены скрывали листы меди с примесью золота.

– Словно огромное зеркало, – с мягкой усмешкой сказала Илана, на миг задержавшись у гладкой блестящей стены. – Хорошо бы такое иметь в своей спальне.

– Защитный покров. Здесь мы можем опробовать все, что написано в свитках, без риска пробить Силой стены, – спокойно сказал Ливтрасир.

– Значит, именно тут были мальчики с Ионном в день кражи? – спросила Илана. – А чем, кроме арки, блестящая комната отделена от другой? – через арку Илана отчетливо видела часть стеллажей из соседнего зала.

– Ничем.

– Почему?

– Это нас приучает рассчитывать каждый посыл, соблюдать осторожность и точность. На первых этапах работы над новым приемом мы ставим на арку простейший защитный Барьер, а потом убираем его. Это не позволяет расслабиться. В книгах, оставленных «Службой», подробно расписаны все преимущества комнаты и набор правил, которые нужно запомнить, работая в ней, – пояснил Ливтрасир.

Люк был спрятан меж плит средней части, Илана его не заметила. Только когда Ливтрасир, попросив выйти двух ребят и востроглазую девочку, взял факел и показал, как колышется пламя, она убедилась, что люк существует.

Илана, обследовав потайной вход, убедилась, что он крепко заперт.

– Внутри – механизм, поднимающий эту плиту, – пояснил Ливтрасир. – Но открыть этот люк изнутри можно лишь при условии, что в Зале кто-нибудь снимет четыре замка на коротких цепях, прижимающих крышку.

– Мне нужно спуститься вниз и посмотреть, – объявила Илана.

Однако, едва Ливтрасир открыл люк, она резко отпрянула. Липкий пронзительный холод пробрал до костей, вызвав чувство смутения и непонятного страха. Илане не раз приходилось бывать под землей, но такое она испытала впервые.

– Обычные люди с трудом переносят присутствие Силы, живущей здесь, – тихо сказал Ливтрасир. – Память этих подземных ходов представляет достаточно жуткую смесь самых разных магических практик ушедших народов. Когда Мастера обучали детей в катакомбах, они закрывали ее неизвестным нам способом. После, уже спустя год, их Защита распалась, дав место тому, что скрывала.

– Понятно, – кивнула Илана.

Едва заглянув в люк, она уяснила одно: ни один человек не полезет в подземный ход, если не хочет утратить рассудок. Илана считала себя смелой женщиной, но мысль о том, что придется пробыть у открытого люка еще пару лишних минут, ее бросила в дрожь.

– Ну и мерзость! – сказала она, растирая ладонями плечи, когда Ливтрасир опустил крышку. – Я покрываюсь мурашками!

– Да, неприятно, – кивнул Ливтрасир. – Но не слишком опасно. Обычный прием: запугать, чтобы не пропустить. Мы умеем себя защищать.

– Мы?

– Я, Ионн и Горад.

– А ребята?

– Пока еще нет.

– Кто способен войти в катакомбы снаружи, пройти их, не сбившись с пути и, открыв люк, попасть в зал Запретного, чтобы забрать документ?

– Представители «Службы», которые знают про эти проходы куда больше нас и умеют себе подчинять то, что скрыто в них. Мы заделали вход за стенами города и наложили защитные чары. Снаружи через него не пройти, но...

– Но?

– На холмах, где он был, слишком много пещер, с лабиринтами, и мы не знаем, куда они могут вести. Может быть, есть другой путь наружу, который нам неизвестен. Когда пробудился подземный Страх, мы перестали исследовать сеть переходов, которые не используют. Просто закрыли все, что можно.

– Допустим, есть такой путь. И его использовал клир или Мастер... Одно исключает другое, не так ли? – спросила Илана.

– По-моему, именно так.

– Не совсем, – обронила Илана. – Бывает, начинающий Мастер из «Службы», поверив в свою безнаказанность, делает то, с чем не могут мириться другие. Он знает, что, если это всплывет, он заплатит за промах не только карьерой.

– Шантаж?

– Полюбовная сделка, которая выгодна двум сторонам.

Осмотревшись, Илана заметила лесенку. Взгляд, мимоходом скользнув по ступенькам, отметил: одна из них сломана.

– Мелен едва не разбился, – сказал Ливтрасир, уловив ее взгляд. – К счастью, он удержался, хотя и рассыпал все книги. В тот самый день.

– Что-то не помню, – небрежно сказала Илана.

– Наверное, мы позабыли сказать вам об этом. Припадок, случившийся с Ионном, отвлек. Когда Руни и Лунд обсуждали план ярмарки, Мелен решил принести фолиант, где подробно описано, как проводили их раньше, во время правления «Службы». А книга лежала на самом верху, – Ливтрасир указал ей стеллаж – и он взял с собой лесенку. Но перекладина вдруг надломилась. Мелен удержался, столкнув на пол часть книг. Когда он спустился, то Мерта и Нанна ему помогли их собрать и составить обратно. Айлон, занимавшийся с Ионном, услышал шум. Он зашел в залу, спросил, не нужна ли им помощь. Потом возвратился назад, а Мелен пошел к Лунду и Руни. Закончив складывать книги, девочки тоже пришли к ним.

– А где был украденный свиток? – спросила Илана.

– Здесь, неподалеку, в стене у второй арки, за стеллажами. Я уже вам говорил, что там спрятан особый тайник, закрываемый чарами.

– И есть обычный замок?

– Есть, хотя и простой. Хитрый ход «Службы Магии». Если кто-то решит отомкнуть его, не сняв заклятий, то просто лишится сознания, а Наделенные Круга получают особый Сигнал.

– И заклятия...

– Каждый раз новые. Тот, кто кладет документ, произвольно меняет их, чтобы потом сообщить лишь тому, кому нужно.

– В теории или на практике? – прямо спросила Илана.

– В теории, – с чуть виноватой улыбкой сказал Ливтрасир. – Мы не слишком стремимся использовать новые чары.

Илана терпеть не могла покаянных речей, но слова Ливтрасира не вызвали в ней раздражения.

– Ладно, осмотрим тайник!

Эта ниша в стене была очень простой, замок смог бы открыть кто угодно.

– Меня поразило, что «заговор» был сохранен. Я его снял легко, не заметив чего-то особого. Позже, уже обнаружив пропажу, мы думали, что кто-то просто убрал заклинания Города, создав «отражение», копию прежних.

– Мне это без разницы, – прямо сказала Илана. – Я в этом не смыслю.

Осмотр показал ей одно: человек, подойдя к тайнику, совершенно невидим для тех, кто стоит рядом со стеллажом, на котором рассыпались книги. И те, кто сидит за второй аркой, тоже не видят его.

– Ваш Мелен мог сказать детям, что идет к Руни и Лунду, а сам пройти к тайнику. А Лунд с Руни могли посчитать, что Мелен собирает упавшие книги.

– Все верно, но только Мелен не умеет снимать заклинания. Если бы он попытался коснуться замка, то лишился бы чувств. Он простой человек. И Мелен не поверит тому, кто причастен к делам «Службы».

Третья часть зала формой напомнила первую. В ней стоял длинный извилистый стол, тоже крытый листами из золота с медью, и семь табуретов. Стеллаж с кучей темных больших цист, в которых хранились старинные свитки, казался довольно обычным. Еще взгляд Иланы отметил высокую нишу, в которой было две лесенки, точно таких же, как та, что попалась ей неподалеку от люка.

– Продолжим, – сказала она, посмотрев в глаза спутнику. – Где были Руни и Лунд? Где стоял Мелен прежде, чем вышел в соседнюю часть зала? Где ждали Нанна и Мерта, пока Мелен их не позвал? И куда возвратились, убрав книги?

Глава 7.

Если бы, составляя отчет для Магистра, Илана в нем указала, что лестницы ей не понравились с первого взгляда, она была бы права. Подобная ложь не считалась зазорной. Хороший Искатель, уже получив результат, подчеркнет, что он сразу предвидел его. Но какой смысл лгать себе? Нужно признать, что надлом перекладки был неожиданным.

Действуя в рамках привычной методики поиска, она решила взглянуть, что за книги рассыпал Мелен. Попросив Ливтрасира подать ей одну из стремянок, хранившихся в нише, Илана вернулась в центральную часть Зала.

– Думай о деле!– учили их в «Ордене». – Все остальное потом.

Но Илана не раз нарушала банальное правило. Гордая мысль, как она замечательно смотрится на этой узкой стремянке, ее занимала куда больше скучной работы с цилиндрами цист.

Треск был еле слышен, но мог подсказать, что случится уже через долю секунды. Илана всегда понимала такие сигналы, однако сейчас знак скользнул мимо, не потревожив сознания. Нога, лишившись опоры, ушла в пустоту. Ей опять повезло. Ливтрасир подхватил ее прежде, чем она сама поняла, что, потеряв равновесие, падает вниз.

Илана думала, что испытала достаточно, чтобы легко относиться к забавным случайностям и не теряться в такой ситуации. Но непонятная вспышка огня, пронизавшая тело, едва он коснулся ее, потушила рассудок. Негаданный всплеск обжигающей страсти, нахлынувший мощным потоком, заставил забыть, где она, как попала сюда, и зачем. Вспоминать в такой миг, что волшебник – другой, не такой, как обычные люди, казалось нелепым. Всегда лучше сразу взять то, что тебе посылает Судьба, чем потом сожалеть об упущенном шансе! И руки легко погрузились в волнистые волосы мага, а губы нашли чужой рот.

– Замечательно! Bravo!

Сарказм, прозвучавший в словах говорившего, не разогнал наваждения. Этот мужчина, вошедший без зова, ей был совершенно не нужен. А значит, он должен был сгинуть, уйти, провалиться сквозь мраморный пол. Но пришедший, поняв, что он лишний, совсем не спешил удалиться, оставив их вместе.

– В чем дело? – достаточно резко спросил Ливтрасир, отстраняя Илану. – Зачем ты поднялся с постели, Ионн?

– Разве я мог упустить это зрелище? – злым патетическим тоном изрек Ионн, сверля их пылающим взглядом.

– А разве больному положено так напиваться? – с издевкой спросила Илана.

Вид Ионна вполне соответствовал этой догадке. Глаза мага нервно блестели, кривая усмешка казалась болезненной, пальцы, сжимавшие пояс, дрожали.

– Вернись в свою комнату, Ионн, – очень жестко сказал Ливтрасир. – Завтра утром ты будешь стыдиться того, что устроил здесь.

– Я? Это вы должны прятаться... Это вам нужно стыдиться! Или ты думаешь, что для тебя, Ливтрасир, нет законов? Тебе можно все? Жена, сын... Это побоку, а? И все женщины здесь твои, да? В виде дани «защитнику города»?

– Ионн сам не знает, что он говорит, извините его, – ровным тоном сказал Ливтрасир, осторожно снимая с плеча ее руку.

– Я знаю... А вы? Вы, Илана? Вы хоть понимаете, что так нельзя? Неужели вам мало свободных людей? Вы такая красивая, умная... Вы... Вы совсем не похожи на девку... Зачем же вы так? Почему же вы все...

– Идем, Ионн, – перебил Ливтрасир, посмотрев ему прямо в глаза.

Ионн хотел возразить, но вдруг резко напрягся и сник, словно бы потеряв интерес к тому, что видел в зале Запретного.

Даже Илана, которая мало что смыслила в чарах, смогла уловить: это не был обычный приказ. Ливтрасир сделал что-то еще, подчинив волю Ионна. Он действовал, как Наделенный, легко подавив чужой бунт.

Мысль не вызвала страха, который всегда пробуждала в ней чуждая Сила. Илане понравилась жесткость, с которой Ливтрасир осадил перебравшего мага. Нелепая сцена, которую им закатил Ионн, совсем не смущала. Она ее позабавила, так как запреты морали Илана считала смешным пережитком. Теперь она поняла, чего хочет.

– Не вздумай заигрывать с ним...

Почему ей вдруг вспомнился Хейд? Что его подтолкнуло сказать ей такие слова? Ревность? Глупые нормы морали, которые Хейд не любил нарушать без особых причин? Или жалость? Сейчас это было не важно. У Ливтрасира есть сын? Есть жена? Но Илана красивее ведьмы гальдорских лесов. И умнее. Решительней. Чувственней. Нужно совсем поглупеть, чтобы ей предпочесть синеглазую нечисть...

Илана опять посмотрела на лестницу. Не будь ее, деревяшки, нуждавшейся в срочном ремонте, она не упала бы. словно холодный сквозняк, остужающий пыл, в голове пронеслось: «Как Мелен!» Взгляд Иланы скользнул вверх. Ступень была сломана, как на первой лестнице, в день роковой кражи. Внешне надлом был обычен, без всяких следов пилки или ножа, но Илана еще не забыла о том, как в Лонгрофте используют крюк. Человек зацепляет особым крючком перекладину и резко дергает, выдержав нужный наклон. Появляется крупная трещина. Она не слишком заметна и кажется очень естественной, а перекладина больше уже ни на что не годится. Ребенок, и тот переломит ее. Теперь, глядя на то, что осталось от верхней ступени, Илана могла бы поклясться: догадка верна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.